

А.В. Храменков

Производство и обращение фальшивых полушек образца 1718 г.

В 1700 г. в России ввели в обращение медные монеты машинной чеканки. Первоначально их выпускали в небольшом количестве по стопе 12 руб. 80 коп. из пуда меди, затем стопу постепенно увеличили до 20 руб.; возросли и объемы чеканки. В обращении стали появляться фальшивые медные монеты: при рыночной цене пуда меди 6–12 руб. изготавливать медные фальшивки было весьма выгодно. Дальнейшее повышение стопы неизбежно должно было спровоцировать еще большую активность «денежных воров», так как именно высокая норма прибыли всегда была основной причиной изготовления фальшивых мо-

нет. Тем не менее в связи с большими военными расходами в начале 1718 г. Петр I решает на выпуск легковесной монеты: 24 января он повелевает «медные делать полушки тонкия, дабы вора́м отливать было нельзя» (ПСЗ. № 3148).

Именным указом от 27 февраля 1718 г. запрещалась чеканка медных копеек, денежек и полушек 20-рублевой стопы, разрешалось их хождение наравне с полушками ~~нового~~ образца и определялись параметры последних: «делать одни новоопределенные полушки против прежних полушак весом и окружением в по́лы, против обрасца резнаго дела мастера Федора Подоруя, исчисляя в копейки по 40

рублев ис пуда» (РГАДА. Ф. 248. Кн. 683. Л. 22). Сведения о мастере, создавшем образцовую полушку, немногочисленны. Федор Алексеев, сын Подоруй (Подуруй) работал в должности «резного инструментного дела мастера» с 1701 г. В 1725 г. он получал значительное по тем временам жалованье – 194 руб. в год (Ф. 271. Кн. 751. Л. 333 об.). Умер мастер не позже 1731 г., так как в декабре 1730 г. его вдова, Авдотья, Иванова дочь, просила о выдаче денег за сделанные Подорум «в доме у себя на своем коште подобные к манетному делу инструменты, которые и взяты на манетной [Кадашевский] двор, и поныне в действии происходят» (Ф. 248. Кн. 1416. Л. 111–113).

Выпуск полушек начался в сентябре 1718 г. и производился в Москве, на Набережном и Кадашевском дворах. Основанием для окончания чеканки послужил загадочный указ Петра I, данный Сенату: «о деньгах медных я многократно говорил, чтоб способ искать, понеже и сюды в жалованья отпущено в двухстах тысячах семьдесят тысяч медных – и так уже половина оных ставитца, а зделана меньше; отчего ясно видеть, что привозных много медных, о чем гораздо думать и способ сыскивать надлежит, дабы после не тужить ж невозвратном убытке» (Ф. 248. Кн. 683. Л. 3.). Петр I написал этот указ 18 июля 1722 г. в Астрахани, где готовился поход русских войск к западным берегам Каспия. Мотивация указа не совсем ясна: к этому времени было изготовлено медных монет на сумму более 2 млн руб. (в том числе более 0,5 млн полушками), т.е. намного больше упомянутых в указе 70 тыс. руб. Вероятно, император обратил внимание, что в отпущенном войскам жалованье доля медных монет составляла почти половину, тогда как ранее, в феврале 1721 г., он приказывал «медных денег не делать, а делать только полушки, и то против серебряных десятую часть». Посчитав, что вопреки его приказу в обращении медных денег находится почти на такую же сумму, что и серебряных, Петр I мог объяснить это наличием фальшивых медных «привозных» монет.

Конечно, состав упомянутых 270 тыс. руб. мог не отображать структуру денежного обращения, но Сенат не стал указывать на высочайшую ошибку. Получив указ 7 августа, Сенат запросил мнение

Берг-коллегии, которая в то время ведала монетным производством. Члены коллегии, помимо прочего, порекомендовали сенаторам, «понеже медных копеек и полушек уже более 2-х миллионов в государстве обретаются, кроме воровских денег, которые, может быть, сверх того наделаны, и от правдивых различить трудно, и того ради делание медных денег на время отложить» (Там же. Л. 6 об.). Согласившись с представленными доводами, Сенат приказал коллегии, а последняя – конторе Монетного правления (17 августа) «дело медных полушек остановить» (Ф. 271. Кн. 91. Л. 197 об.).

Кроме того, 24 августа 1722 г. сенаторы объявили направленный на борьбу с фальшивомонетчиками указ «об истреблении явившихся в оборот поддельных денег, об отыскании поддельщиков и об отобрании поддельных денег у всех вообще без замена и вознаграждения» (ПСЗ. № 4076.). Указом предписывалось сборщикам при сборе денег, а купцам при торговле «смотреть накрепко», не дает ли им кто-нибудь «воровские» монеты. Если таковых будет менее 10% от общей суммы, или они окажутся «разных чеканов», или со следами обращения, то их следует конфисковать, но следствие не проводить. В противном случае «следовать же, и розыскивать, и, кого доведется по розыску, тех и пытаться». Так же надлежало разослать во все губернии и провинции при указах небольшое число фальшивых монет – «для знания, чтоб таких не принимали». Сам указ предписывалось неоднократно читать в церквях и прибить «где пристойно», чтобы «о том был всяк сведом». Указ 1722 г. определил на многие годы вперед критерии, по которым среди людей, имеющих «воровские» деньги, выделяли потенциальных фальшивомонетчиков. В частности, на этот указ ориентировались и при последующем вымене полушек.

Резкое прекращение чеканки полушек делало невозможным отпуск денег на текущие нужды, так как на монетных дворах денег и серебра было «малое число» (напомним, что с 1719 г. из медных монет чеканили только полушки). Поэтому Берг-коллегия предложила переделать в полушки имеющиеся там 2832 пуд. меди и 244 пуд. полушечных кружков (Ф. 248. Кн. 683. Л. 19 об.). Об этом просили и делавшие полушки по договору подрядчики

Егор Марков и Федор Софонов, так как неожиданное прекращение работы могло их разорить. По их словам, «надеясь, что ширесть оное дело будет нерушительно», они изготовили инструментов на 5 тыс. руб., купили и содержали 20 лошадей, подрадили 200 мастеровых и работных людей, затратив им более 500 руб. задатка, а также наняли 40 печатных мастеров с годичной оплатой (Там же. Л. 28 об.-29). Сенат, рассмотрев просьбу Берг-коллегии, 14 ноября 1722 г. разрешил зачеканить 244 пуд. полушечных кружков, отложив решение остальных вопросов до приезда Петра I (Там же. Л. 38). Упомянутые кружки, по видимому, вскоре были переделаны в монеты. Подрядчики, ожидая продолжения передела, не распустили людей и лошадей до 15 марта 1723 г. (Ф. 271. Кн. 98. Л. 23-23 об.).

Всего с начала выпуска по август 1722 г., согласно данным Берг-коллегии, было сделано полушек на 523 644 руб., т. е. свыше 20 млн шт. (Ф. 248. Кн. 683. Л. 22 об.). Эта же цифра фигурирует и в более поздних ведомостях (Ф. 248. Кн. 747. Л. 864.). Из-за дополнительной зачеканки в конце 1722 г. монетных кружков (244 пуд.) общий тираж должен быть выше примерно на 9760 руб. В первые годы чеканки, когда плата за изготовление монетных кружков была высока, их ввозили из-за границы, и часть полушек — на сумму 19 221 руб. — отчеканили на «заморских» кружках. В частности, из 1230 пуд. «заморских» полушечных кружков шведец Осип Видкис поставил 1011 пуд. и Андрей Маленинский — 186 пуд. (Ф. 271. Кн. 90. Л. 261 об.-262).

Для того чтобы обеспечить обращение полушек исключительно как разменной монеты, 8 ноября 1723 г. Петр I объявляет указ: «кроме съестных, ни на какие валовые товары и лавочные не употреблять, и в подати и в прочие доходы не брать полушек медных» (ПСЗ. № 4350). Помимо предотвращения попадания полушек в казну, указ косвенно препятствовал хождению фальшивок: при приеме небольшого количества монет (что типично при покупке «съестных товаров») «воровскую в малом числе всяк скоро узнает и испортит, а хотя бы и не узнал, великого убытка и разорения не понесет, и вору, надевая, рубля вскоре употребить будет не можно» (Ф. 248. Кн. 1415. Л. 133). Именным указом 16 мая 1729 г. подтвердили прежний

запрет (ПСЗ. № 5411), но тем не менее «между всяких чинов людьми, а особливо купечеством, те полушки ходили, и брали их за лавочные и валовые товары многим числом» и «как лесные всякие товары и дрова, так и хлеб и сено покупали большею частию на полушки» (ПСЗ. № 5626). Как будет показано ниже, полушки также вынужденно принимали в разные казенные сборы, поскольку в расчетах часто фигурировали денежные суммы, оканчивающиеся на 1/4 коп. Ограничение хождения полушек не смутило и фальшивомонетчиков, которые активно подделывали их в 1720-е годы.

К 1730 г. в денежном хозяйстве страны сложилась критическая ситуация: в обращении находились медные монеты разных монетных стои (в том числе легковесные пятаки и полушки), серебряные деньги разных проб, а также, по оценкам современников, огромное количество фальшивых, в основном медных, монет. Такое положение наносило существенный вред, как экономике страны, так и отдельным ее гражданам («государственный вред и народная тягость происходит»). Для выработки мер по стабилизации денежного обращения 19 июня 1730 г. Сенат постановил создать Комиссию по монетному делу, поставив перед ней задачи: «разсмотреть, каким образом без дальняго казеннаго убытка и народнои тягости прежния мелкия серебряныя и медныя деньги из народа выменять можно и впредь каким монетам в народе ходить потребно и воровския пресечь» (ПСЗ. № 5578).

Деятельность Комиссии в целом разобрана А.И. Юхтом (*Юхт А.И.*, 1985, С.229-248); в настоящей статье более подробно рассмотрены лишь вопросы, касающиеся обмена полушек. Именно полушки решили вывести из обращения в первую очередь, так как, по мнению Комиссии, происходит «наибольший вред от многого воровства в деле оных» (Ф. 248. Кн. 1415. Л. 119). Точное количество фальшивок не было известно, в указах и других документах лишь неоднократно говорилось о «медных воровских деньгах, которых в народе весьма умножилось» (ПСЗ. № 5027). Нередка приводились очень грубые оценки: «треть или половина в те медные копейки, а напаче в денешки и полушки, вошло воровских фальшивых денег» (Ф. 16. Кн. 31. Л. 35 об.). В

1724 г. у посадского человека Ивана Холщеникова, обвинявшегося в сбыте фальшивых проволочных копеек, при обыске нашли 40 полушек, из которых «воровскими» признали 19. Такое соотношение подлинных и фальшивых полушек следствие признало обычным: «иные, что воровския денги берут и пезнаючи» (Ф. 271. Кн. 102. Л. 31–32 об.; Кн. 107. Л. 62, 63). Поэтому Комиссия, прежде чем определить порядок обмена, поручила Монетной конторе более точно выявить долю фальшивых полушек в денежном обороте.

Члены Монетной конторы прибегли к анализу выборки из небольшого числа полушек (0,01% от всего выпуска), падающих в обращение (Ф. 248. Кн. 1415. Л. 117, 118). Для этого у лавочников, которые торгуют съестными мелочными товарами, взяли 50 руб. полушками (20 тыс. монет), и шесть монетных мастеров, «которые к тому искусство имеют», в течение трех дней разбирали эти монеты. Перебирая полушки по три раза, они отобрали из них фальшивых на 21 руб. (42% от всей суммы) и сделали заключение, что отличить фальшивые монеты от настоящих очень трудно, а зачастую – невозможно, «для того что есть воровския власно таковы, как и казенные», поэтому «чисто в них выбрать невозможно, хотя малая часть может в добрых плахая, а в плохих добрая останется». «Малая часть» могла быть и не такой малой: в документах вскользь упоминается еще об одном эксперименте. Монетные мастера перебрали 4 тыс. полушек (на 10 руб.) и «выбирали якобы все фальшивые – две доли против добрых», т. е. определили 67% фальшивых и 33% подлинных (Там же. Л. 118).

На первый взгляд, полученные результаты делают невозможным выкуп полушек. С одной стороны, наличие множества фальшивок требует их тщательной отбраковки специалистами. С другой стороны, такая отбраковка недопустима, так как, по расчетам членов Монетной конторы, 20 человек смогут «чисто» разобрать весь тираж только за 10 лет. Выходом из этой ситуации, по мнению Комиссии, мог служить прием всех полушек (как подлинных, так и фальшивых) по цене, меньшей номинала полушки (1/4 копейки). Цену при этом надо определить так, чтобы плата за все выкупленные монеты не превышала суммы, на которую были от-

чеканы полушки на государственных монетных дворах – около 530 тыс. руб.

Первым практическим результатом работы Комиссии стала отмена сенатского указа, частично снимающего ограничения на хождение полушек. Предыстория появления этого сенатского указа такова. Согласно приведенным выше указам 1723 и 1729 гг., полушки запрещалось принимать в казенные сборы. В августе 1730 г. Камер-коллегия, ведавшая государственными сборами, повторила Сенату свою просьбу годичной давности о разрешении приема полушек на питейных дворах и сдачи их в казну (Там же. Л. 106). Коллегия аргументировала свое ходатайство тем, что при мелочной продаже, «от копейки до гривны и малым выше», обычно расплачиваются полушками. Поэтому, если они не будут участвовать в денежных расчетах, то «всемерно учинится в зборах многие недоборы». Кроме того, на питейных дворах скопилось большое количество полушек, которые не принимали ни в какие «положенные оклады». Сенат посчитал просьбу коллегии обоснованной и объявил 14 августа 1730 г. указ, которым разрешалось до 1731 г. брать полушки на питейных дворах «при чарочной и при пивной, и медовой мелочной продаже», тщательно отбраковывая фальшивки; но прием полушек за любые валовые товары по-прежнему был запрещен (ПСЗ. № 5604).

Комиссия о монетном деле сразу же рекомендовала Сенату отменить указ. Члены Комиссии сообщили сенаторам, что опыт показал: «есть полушки воровския власно такого дела как государева чекана, и познать их трудно». Поэтому приемщики на питейных дворах, «не имея в разборе опытного искусства», могут принимать фальшивые полушки вместо настоящих (Ф. 248. Кн. 1415. Л. 107–109). Сенат согласился с Комиссией и 25 августа приказал упомянутый указ отозвать, прием полушек на питейных дворах остановить, собранные монеты обратно в народ не пускать, а Комиссии срочно подать мнение, «каким образом те полушки из народа выкупить» (Там же. Л. 110). Как выяснилось позже, об отмене указа стало известно не всем: например, Московская губернская канцелярия, руководствуясь недействительным указом, продолжала принимать полушки от питейных дворов (Там же. Л. 279).

Вскоре, 11 сентября 1730 г., Комиссия представила сенаторам свои соображения о вымене полушек. Мнения ее членов по ряду вопросов, и в первую очередь о предполагаемых потерях Казны и народа при обмене монет, разделились. Была предложена следующая процедура выкупа полушек (Там же. Л. 119–122 об.). Выпустить денешки и полушки по 8-рублевой стопе, причем «оня денешки и полушки делать и клеймить таким добрым мастерством и клеймом, чтоб подделыватца никак невозможно было». На эти монеты и, при необходимости, на серебро обменивать полушки, платя 75 коп. за 1 руб. полушками. Полушки из красной (т. е. чистой) меди принимать «без разбору», являя фальшивки (рублевные или из тазовой меди), польские монеты (близкие по параметрам к полушкам солиды, чеканившиеся в федеративной Речи Посполитой в 1659–1666 гг. и обращавшиеся до середины XVIII в.) и гладкие кружки – конфисковывать (член Комиссии Алексей Плещеев предлагал конфисковывать и фальшивки из красной меди, которые «познать от казенных можно»). Провести обмен в 2-месячный срок, далее принимать полушки только по цене меди.

Одновременно с этими предложениями некоторые члены Комиссии подали в Сенат особое мнение (Там же. Л. 125–130). Перечеканить в денешки имеющиеся на монетных дворах копейки 20-рублевой стопы, что быстрее и дешевле чеканки новых монет, а следы изображения старых копеек на перечеканах послужат дополнительной гарантией от подделок («на них и прежние печати знатно будут»). Выменивать все полушки, кроме тех фальшивок, которые «познать без труда скоро можно». Полушки следует принимать не на счет, а на вес – так будет быстрее и легче контролировать счетчиков («положит [счетчик] в мешок 95 рублей, а напишет 100 рублей в такой надежде, что вторично пересчитать за ним не будут, а употребятся в сплавку»). Цену за пуд полушек установить 27 руб. 80 коп. Для удобства расчета за небольшие партии составить таблицы, «по чему по сложной цене за пуд, фунт и золотник заплатить надлежит». Провести обмен в течение 1–2 месяцев, после чего принимать полушки только по цене меди.

Цену, по которой надлежало выменивать полушки, определили из следующих соображений. Во-первых, приняли, что фальшивомонетчики сделали фальшивых полушек на сумму 400 тыс. руб. (при тираже подлинных 524 тыс. руб.). В процентном соотношении доля фальшивок получилась значительно больше, чем следовало из эксперимента (76,3% против 42%), но члены Комиссии посчитали выборку непредставительной: «однако ж на оной пробе утверждатца опасно для того, что оня полушки збираны здесь в Москве, а в городех, а особливо к Украине, может воровских быть и более». Во-вторых, положили, что в пуде настоящих полушек содержится монет на 40 руб., фальшивых – на 50 руб. Эти цифры соответствовали опытам Монетной конторы: «весом в настоящих по 41 рублю по 15 копеек, в фальшивых по 49 рублей по 70 копеек в пуде». Если платить за пуд казенных полушек по 40 руб., а за пуд «воровских» – по 8 руб. (по цене меди), то пуд неразобранных полушек следует выкупать за 27 руб. 80 коп.

Также был предложен любопытный вариант вымена полушек – путем постепенного снижения их нарицательной стоимости (Там же. Л. 134–134 об.). Рекомендовалось «для пользы же государственной» немедленно снизить стоимость полушек с $1/4$ до $1/6$ коп., затем принимать их на вес из расчета 27 руб. 80 коп. (или, для ровного счета, 28 руб.) за пуд. Учитывая, что из Польши (основного, по мнению Комиссии, поставщика фальшивых полушек) может хлынуть поток фальшивок, еще через месяц понизить стоимость полушек до $1/8$ коп., а «спустя малое время», – до $1/12$ коп. Соответственно и выменивать их надлежит из расчета 12 руб. за пуд. После того как полушки станут стоить менее $1/8$ коп., их будут не ввозить, а наоборот, вывозить в Польшу, «где их вместо шелегов [солидов] по 9 за копейку и меньше с охотою возьмут». Тем самым фальшивки не будут представлять проблему для российских властей, а «как Казна, так и народ, много тягости избавятся». Такое последовательное, в отличие от резкого, понижение нарицательной стоимости хорошо еще тем, что потери будут распределены между несколькими владельцами монет, – теми, у кого они будут иметься в наличии при очередном изменении их нарицательной цены.

Кроме того, опасаясь дальнейшего уменьшения курса полушек, их будут еще активнее вывозить за рубеж. Это предложение не приняли, но впоследствии, при обмене пятикопеечников 40-рублевой стопы, был выбран похожий вариант.

Изучив все проекты, 30 сентября 1730 г. Сенат представил доклад императрице. Доклад был утвержден, и на его основании 5 октября объявлен именной указ (напечатан 10 октября): «полушкам в народе не ходить, и ни в какие казенные подати и поборы не брать, и из казны в народ не выпускать» (ПСЗ. № 5626). Сроки и условия обмена не приводились, говорилось только, что «те полушки, которые прямыя казенного дела, кроме воровских, у них выменены будут впредь немедленно, а воровския приниманы не будут». Вместо полушек предписывалось немедленно приступить к обмену всех копеек 40-рублевой стопы 1728–1729 гг., закончив его в течение двух месяцев.

Понять, почему сразу не приступили к вымену полушек, можно из упомянутого доклада Сената императрице (Ф. 248. Кн. 1415. Л. 148–150 об.). Перед выкупом полушек у населения необходимо было изыскать средства на эту операцию. Проще всего было перечеканить выведенные ранее из обращения копейки 20-рублевой стопы с понижением достоинства вдвое в денги 10-рублевой стопы. Копейки, которых к тому времени на монетных дворах было на 857 тыс. руб., полагали перечеканить в течение 2–3 месяцев. Только после того, как будет перечеканено в денежки не менее половины этих копеек, можно было приступать к вымену полушек. Дополнительно, по мере поступления копеек 40-рублевой стопы, следовало их перечеканивать в полушки 10-рублевой стопы. Но и средств на выкуп этих легковесных копеек, которых выпустили на сравнимую с полушками сумму, в казне также не было. Поэтому решили в течение двухмесячного срока брать все подати исключительно копейками, деньги на вымен монет, оставшихся в народе после уплаты податей, предлагалось искать губернаторам и воеводам «на местах» («платить из казны наличными, каких бы сборов деньги прилучитца могли»).

Ранее, при рассмотрении различных вариантов вымена полушек, убытки определяли, полагая, что в казне их находится

незначительное количество: согласно указам предыдущих лет, полушки не должны были приниматься ни в какие подати и сборы. Чтобы узнать точное число полушек в казне и препятствовать возможным злоупотреблениям при последующем обмене, при указе от 5 октября было сделано определение: «в которых числах, где которой воевода те указы получают и в народ публикуют, так же где сколько вышепомянутых полушек в казне есть и в какие подати, и кто, и когда, и для чего, в противность публикованным указом в казну принимали, о том прислать в Сенат ведомость» (Там же. Л. 276 об.).

Полученные результаты, а данные с мест поступали до середины 1731 г., были неожиданными (Там же. Л. 276–288 об.). Всего в казне оказалось полушек на сумму около 132 тыс. руб. – примерно четвертая часть тиража этих монет. Половина полушек находилась в губерниях и провинциях, половина – в центральных коллегиях и канцеляриях. В среднем в казне каждой губернии или провинции было не более 1 тыс. руб. полушками; в казне некоторых – Ревельской, Рижской, Ярославской и др. – полушки отсутствовали. Наибольшее число полушек оказалось в Нижегородской (около 11 тыс. руб.) и Московской (около 16 тыс. руб.) губернских канцеляриях. Камер-коллегия объявила о находящихся на Каменноостровном питейном дворе полушках на сумму 35 тыс. руб. Объяснения незаконного приема полушек были различны. Чаще всего сообщали, что во многих сборах взимаемая сумма не кратна денге, и принимали «полушками, чтоб от того недобору не было» (например, на перевозах брали с телеги 1–3 денги, а с пешего – полушку). Наличие в казне полушек оправдывали незнанием указов или не объясняли вообще («для чего, в противность прежде публикованным указом приниманы, не ответствовано»). Наконец, сваливали вину на прежних сборщиков («примещики тех полушек померли», «приниманы в разные сборы в прошлых годах при прежнем вице-губернаторе»).

Всю сложность соблюдения запретов на прием полушек раскрывает характерный эпизод (Там же. Л. 176–177 об.). 28 октября 1730 г., вскоре после указа «полушкам в народе не ходить», группа солдат Преображенского полка зашла в

фартину (питейный дом), расположенную на Вшивой Горке в Малых Лужниках. Заказав вина, они захотели расплатиться, но предложенный алтын полушками служитель фартины Федор Михайлов «за запрещением указа» принимать не стал. Солдаты огорчились и стали бросать в Федора плошки, поленья и другие тяжелые предметы. В это время в фартину, с целью починки оправы бочек, пришел Иван Герасимов. Попытавшись унять солдат, он добился лишь того, что они стали бить его эфесами «смертно». Удалось ли солдатам расплатиться за выпивку полушками, или они решили вовсе не платить, неизвестно.

Такие инциденты могли возникать неоднократно и в питейных домах, и в торговых рядах, так как после запрета малоформатных полушек, в обращении из мелких номиналов осталось лишь крайне незначительное количество денег и полушек 1700–1704 гг. выпуска (на сумму около 30 тыс. руб.). Отсутствием разменной монеты и незнанием законов пользовались и «в городех живущие»: «посадские, уведав, все привозные товары от крестьян покупают на полушки, а крестьяня о том, что полушек за товары брать не велено, не ведают, да хотя б и ведал, приехав на торг, спешит, как бы скоряе продать и домой ехать, возьмет какие ему деньги дают; противно же тому посадские ни за что не берут» (Там же. Л. 133 об.). В итоге можно говорить о практически свободном, несмотря на неоднократные запреты, обращении полушек до конца 1730 г.

В начале декабря 1730 г. Монетная комиссия представила Сенату доклад с окончательным вариантом вымена полушек – без разбору, на вес, с заплатай за пуд полушек 25 руб. (Там же. Л. 171–173 об.). В связи с тем, что прием подлинных и фальшивых монет по одной цене – уникальный случай в истории российского денежного обращения, интересна аргументация Монетной комиссии. Во-первых, как уже упоминалось, полушки «чисто розобрать невозможно». Во-вторых, «в щетах и разборах великое будет продолжение». В-третьих, была учтена роль человеческого фактора. С одной стороны, счетчики должны отлично разбираться в монетах, так как в противном случае они могут безвинно разориться: «если примут, не зная, между казенными воров-

ских, а по привозе на манетной двор по разбору явятца воровския, то на них оное будут править». С другой стороны, счетчики должны отличаться повышенной честностью. В самом деле, они могли взять за взятку фальшивые монеты или купить их по дешевке в торговых рядах, после чего при сдаче монет на монетном дворе дать приемщикам «довольную плату» с тем, чтобы последние приняли все полушки без разбору. Поэтому к обмену надлежит определить людей как знающих, так и верных, каких, по справедливому мнению Комиссии, «сыщется немного». Наиболее важными представляются первые два аргумента, так как практически невозможно избежать злоупотреблений счетчиков при любом варианте обмена.

На основе доклада Монетной комиссии 4 декабря 1730 г. сенаторы, «имея доволное рассуждение о вымене из народу медных полушек, каким бы образом оной вымен чинить без дального казенного убытку и народной тягости», постановили: принимать полушки, кроме явных фальшивок, на вес по цене 20 руб. за пуд; провести обмен в Москве в течение месяца, в остальных городах – в течение двух месяцев; чинить следствие тем, у кого при обмене явятся «деланные новые полушки» (Там же. Л. 175). Монетная комиссия дополнила решение Сената важными положениями (Там же. Л. 179–180 об.). Ранее, при выводе из обращения других монет, срок обмена был един для всей России. По мнению Комиссии, многие фальшивые полушки делались за границей и при длительном обмене «воровские люди» могли «из за рубежа присовокупить воровских и на обмен отдать». Так что месячный срок обмена следовало установить не только в Москве, но и в приграничных городах. Кроме того, вследствие большого числа фальшивок, они могут оказаться и у не причастных к «денежному воровству» людей, которые «могут невинно впасть в розыск». Поэтому при обнаружении фальшивок следует руководствоваться приведенным выше указом от 20 сентября 1722 г. В конечном итоге 20 декабря 1730 г. именным указом определили: полушки из красной меди принимать на вес «без разбору»; платить за пуд полушек 20 руб. (желательно медными пятикопеечниками); брать «ни за

что без заплаты» оловянные или сделанные из тазовой меди полушки, польские шелеги, гладкие кружки; провести обмен в Москве и в приграничных районах в течение месяца, в остальных – в течение двух месяцев со дня опубликования в этих местах указа, при обнаружении «деланных новых полушек» поступать по указу 1722 г. (ПСЗ. № 5656).

Интересно, что в сенатском указе, помимо немотивированного снижения предложенной Комиссией цены полушек – до 20 руб. за пуд, присутствует еще большее скрытое понижение их стоимости. В указе подробно расписывается цена за пуд и его фракции: 20 руб. за пуд, 50 коп. за фунт и т.д. Но за 6 золотников предписывается платить 3 коп., за золотник – 1/2 коп. (очевидно, для удобства расчетов считали в фунте 100, а не 96 золотников). На самом деле, если учесть, что цена за пуд 20 руб., то должно быть соответствие 6 золотников – 3 1/8 коп., 1 золотник – 25/48 коп. Следовательно, недоплата как за 1 золотник, так и за 6 золотников, и вообще за полушки весом не более 11 золотников, составляет 4%; при увеличении сданной суммы разница, вызванная округлением, уменьшается. Ранее Монетная комиссия рассуждала, что «полушки все обретаются ныне в руках подлых людей», и «подлость будет приносить мелким весом в золотники и меньше» (Ф. 248. Кн. 1415. Л. 119). Поэтому случаев обмена небольших сумм и, следовательно, скрытой недоплаты со стороны казны должно было быть немало. Разница доставалась, скорее всего, губернаторам и воеводам. По указу счетчики должны были записывать при приеме, «у кого сколько в указной срок, и в которых числах принято будет» полушек. При отсылке же монет на монетный двор указывался лишь общий вес принятых полушек, и деньги губернаторам и воеводам возмещались из расчета 20 руб. за пуд.

Ранее предполагали, что к началу обмена будет перечеканена большая часть старых копеек в денежки и полушки. В действительности, начав 17 ноября 1730 г. перечеканку, к 3 декабря изготовили лишь 2 800 руб. полушек и 7 500 руб. денежек, к 14 декабря – 4 040 руб. полушек и 16 140 руб. денежек, к 20 декабря – около 30 тыс. руб. денежек и полушек (Там же. Л. 191,

210, 221). Одновременно с чеканкой на Китайском дворе устраивали его помещения, ранее занятые Розыскной комиссией, и постепенно увеличивали число печатных станков (денежки с 17 ноября печатали на 8 станках, с 25 ноября – на 11, с 4 декабря – на 14, с 14 декабря – на 20 станках) (Там же. Л. 210 об.). Учитывая, что новых монет «день ото дня из дела прибавляется, а за отключкою старых полушек в мелочных покупках в народе не без нужды», 22 декабря объявили именным указ «делать вновь медные денежки и полушки» (в действительности, чеканка была начата месяц назад) и «ходить тем денежкам и полушкам в народе за всякие товары, и в казну Нашу во всякие ж сборы брать безспорно» (ПСЗ. № 5657).

В начале января 1731 г. приступили к обмену полушек в Москве (Ф. 248. Кн. 1415. Л. 203, 204). Их выменивали в шести местах: на двух монетных дворах, в торговых рядах, у Триумфальных ворот на Мясницкой улице, у Тверских ворот и на Балчуге. Согласно указу, к приему полушек надлежало определять «людей добрых и правдивых», чтобы не происходило каких-либо «конфузий». Тем не менее Комиссия по монетному делу потребовала дополнительного контроля над приемщиками, и на каждом пункте вели наблюдение два человека из купечества, которые надзирали над монетчиками, чтобы те «обмана не чинили». Заметим, что всегда оставалось место для злоупотреблений: купецкие люди Иван Мусин, Афанасий Сидоров и Панкрат Васильев, скупая полушки после «запретительного указа», продавали их приказным людям и счетчикам монетного двора (Ф. 248. Кн. 1418. Л. 466–469).

В Москве обмен полушек закончился 1 февраля 1731 г., в других городах – значительно позже (Ф. 248. Кн. 1415. Л. 220). Например, рапорт о завершении обмена прислали в Москву из Нарвы 5 апреля, из Сибири – 13 мая. Несмотря на то что обмен в Москве закончился, а в других местах подходил к концу, полушки упорно продолжали участвовать в торговых сделках – очевидно, из-за нежелания населения сдавать их по грабительскому курсу, а также из-за мизерного тиража новой разменной монеты. Члены Комиссии предложили штрафовать тех, кто будет расплачиваться старыми полушками и копейками или «упрямством своим» не будет брать но-

вых денежек и полушек; вышедшие из обращения полушки и копейки предлагалось всем желающим сдавать на монетный двор по 7 руб. за пуд.

Всего в течение указного срока было сдано в казну в подати и выменено из народа 1664 пуд. полушек (Ф. 248. Кн. 747. Л. 851 об.). И по завершении обмена в Монетную контору продолжали поступать полушки из различных учреждений и от частных лиц. Большинство просителей просили обменять полушки не на вес, а на счет: по их заверениям, монеты находились у них до начала обмена, но по каким-то причинам обменять их в указной срок они не смогли. Все просьбы Монетная контора переадресовывала в Сенат; как правило, сенаторы приказывали принимать полушки по 20 руб. за пуд. В августе 1731 г. в именном указе подтверждалось, что полушки 40-рублевой стопы «уже давно откликаны» и все желающие могут употребить их на дело посуды и прочего (ПСЗ. № 5816). Согласно указу от 5 сентября того же года, все полушки, оставшиеся в губерниях, предписывалось прислать по первому зимнему пути в Монетную контору (ПСЗ. № 5848).

К 10 сентября 1731 г. в казне находилось около 5745 пуд. «откликанных» полушек, из которых 3938 пуд. поступило от казенных сборов (Ф. 248. Кн. 1416. Л. 1228). Из-за множества фальшивых монет, сделанных из некачественной меди, металл полушек оказался негодным для использования в монетном деле (Ф. 248. Кн. 747. Л. 864 об.). Поэтому 15 декабря Монетная комиссия предложила продавать всем желающим медь, полученную после переплавки полушек («где запруды много») в полушках и воровских копеек по 5 руб. 50 коп. (Ф. 248. Кн. 1416. Л. 550–550 об.) Предложение было утверждено Сенатом 28 февраля 1732 г. (ПСЗ. № 6065).

Неожиданно такой желающий нашелся: 13 января 1732 г. московский купец средней гильдии Иван Баулин предложил купить 10 пуд. полушек (т. е. около 160 тыс. монет) по цене 8 руб. за пуд (Ф. 248. Кн. 1416. Л. 242–265; Храменков, 2006. С. 227, 228). Он был готов брать полушки «без разбору и с фальшивыми» – главное, чтобы они были не сплавленными, а в виде монет. Купец предполагал вывести их в Малую Россию, где «между

торговым обхождением обращаются польские медные шелеги вместо денег», и обменять на товары. В дальнейшем, если удастся сбыть эту пробную партию с прибылью, Баулин хотел продолжить вывоз никому не нужных монет.

Монетная контора поддержала инициативу купца и, получив разрешение Московской Сенатской конторы, выдала ему требуемое количество полушек. При этом от Баулина потребовали расписку, «чтоб он старался те полушки продать или на товары сменять в Польшу, а чего в Польшу по самой крайней мере употребить не может, то и в Малой России, а в великороссийских городех отнюдь не продавать и на товары не менять». Кроме того, груз опечатали и купца обязали снять печать только в Малороссии при свидетелях. По возвращении в Россию Баулин должен был представить отчет: «в которых местах те полушки он продаст или на товары сменяет и по какой цене».

Но вывоз полушек не состоялся – Сенат отменил решение Московской Сенатской конторы. Сенаторы приказали полушки не продавать, а если монеты Баулиным уже получены, то купца остановить и груз вернуть обратно на монетный двор. Свое решение они мотивировали тем, что хождение полушек запрещено именным указом, и без разрешения императрицы «в народ выпускать их отнюдь не надлежало». Несмотря на приведенные Московской Сенатской конторой доводы о безопасности и выгоды вывоза всех полушек за границу, Сенат своего запрета не отменил.

В конце 1732 г. 6350 пуд. полушек и фальшивых копеек были отосланы в «Артиллерию» для переплавки и дальнейшего использования при литье пушек и колоколов (Ф. 248. Кн. 1416. Л. 1207–1209, 1232). Подводя итог обмену, можно заключить, что выкупили лишь малую часть полушек: выпущено 13 тыс. пуд; рассчитывали выменять не менее 20 тыс. пуд. (с учетом фальшивых); в казну поступило около 6 тыс. пуд., из которых больше половины находилось в государственных учреждениях до начала обмена.

Выше были рассмотрены вопросы, связанные с обращением и обменом полушек (в том числе и фальшивых), на основании документов высокого уровня – правительственных указов, проектов Ко-

миссии по монетному делу и пр. Информацию о деятельности отдельных фальшивомонетчиков и о выпускаемой ими продукции следует искать в документах организаций, занимавшихся сыском «денежных воров». В 1720–1727 гг. (фактически до 1730 г.) розыск по «денежным воровским делам» вела Берг-коллегия. Следственные дела фальшивомонетчиков, переданные в 1730 г. в Сыскной приказ, к настоящему времени не сохранились. Но во многих протоколах заседаний Берг-коллегии содержатся приговоры «денежным вора» с кратким изложением их вины. Ниже представляются извлеченные из приговоров данные об изготовлении фальшивок, «воровских денежных» инструментах, сбыте «воровской» продукции и пр.

Фальшивые полушки, как и другие монеты, изготавливали двумя способами – литьем и чеканкой. Литье полушек было затруднено из-за их малой толщины, поэтому литые фальшивки упоминаются в документах и встречаются в настоящее время редко. Например, у жителя Садовой Большой слободы Михайлы Коптелова были найдены «воровские медные литые полушки» на 1 руб. 30 коп. с четвертью, а также «воровские» инструменты – мех «дувалной» и 2 пилки (Ф. 271. Кн. 159. Л. 58, 59). У бузника Данила Терентьева при обыске были изъяты «несколько отливных медных полушек, да крохи медные, да инструментов – три меха, емки, двои куски угля да в корыте песок» (Ф. 271. Кн. 158. Л. 128). Крестьянин Осип Тимофеев был в приводе с «воровскими отливными полушками, которых по счету явилось семь да неотделанных и ломаных в крохах десять мест, да шесть опок железных» (Ф. 271. Кн. 135. Л. 26, 27). У крестьянина Андрея Черного и поляка Федора Тарутинова изъяли 402 «воровские» полушки, и инструменты, и материалы: «медь, и олово, и свинец, да в кулке два меха дуvalных, две пилы плоские, приемцы железные, одна опока» (Ф. 271. Кн. 165. Л. 35, 36). Солдат Иван Загребаев признался в «дутье мехом при ростопке меди на воровские полушки» (Ф. 271. Кн. 161. Л. 91). Как правило, полушки отливали опытные литейщики – изготовители колоколов, нательных крестиков и т.п. В частности, житель Сыромятной слободы

Яков Иванов, сын Колоколник, отлил в опоки полушек на 1 руб. 50 коп. (Ф. 271. Кн. 159. Л. 36).

Большинство фальшивых полушек изготовлено чеканкой, чему способствовали малые размеры монет, их крайне простое оформление и гладкий гурт. Сырьем служили свободно продававшаяся медь в слитках, штыках, крохах и т.д.; ее цена при небольших объемах покупки составляла около 8 руб. за пуд. Но «денежные воры» старались приобрести более дорогую – в среднем 12 руб. за пуд – листовую медь, не требующую предварительной расковки. Матрос Борис Соколов с товарищами сделал из листовой меди полушек на 5 руб. (Ф. 271. Кн. 164. Л. 95, 96), крестьяне Борис Степанов и Прокофий Фуфай из 6 фунтов листовой меди получили полушек на 4 руб. 20 коп. (Ф. 271. Кн. 167. Л. 16–20). Покупка меди в листах (кованой меди) людьми, не являющимися ремесленниками, могла вызвать подозрение. Для избежания возможного доноса фальшивомонетчики старались покупать такую медь у знакомых продавцов, посвященных в их тайну. Некоторые котельники, такие, как мастер Григорий Иванов, сын Терентьев, делали и продавали «медь на дело воровских полушек заведомо» (Ф. 271. Кн. 164. Л. 85). Денежные воры рекомендовали друг другу таких мастеров: Прасковья Гаврилова, например, купила у котельника 1 фунт меди на «воровское» дело, а двор котельника ей указал фальшивомонетчик Авдей Михайлов (Ф. 271. Кн. 165. Л. 42–43 об.).

Чаще всего фальшивомонетчики использовали медные изделия, у которых толщина стенок соответствовала толщине полушек. Так, московский подвизчик Егор Ларионов покупал для дела полушек ветошную медную посуду (Ф. 271. Кн. 146. Л. 3–5); крестьянин с. Павлова Савелий Лабзин купил и изрубил в кружки медную ендову (Ф. 271. Кн. 162. Л. 74–74 об.); Василий Стрыков с солдатом Степаном Теплым порезали ножницами на кружки медную фунтовую сковородку (Ф. 271. Кн. 164. Л. 90–93); шпажного дела ученик Алексей Устинов купил для «денежного вора» Петра Мартынова старую медную сковородку (Там же. Л. 50а–50а об.). Известен случай использования для «воровского дела» церковной утвари: серебряник Андрей Ар-

тамонов вырезал ножницами кружки «из остаточной от кадила да от ковчега меди» (Ф. 271. Кн. 170. Л. 75–75 об.). Популярностью у «денежных воров» пользовались винокурные кубы, причем группа крестьян с. Павлова добывала медные кубы с трубами разбоем, грабив винокурни (Ф. 271. Кн. 162. Л. 71–72 об.).

Фальшивомонетчики разделявали медные листы на полушечные кружки с помощью ножниц или «обрезов». Не найдено документов или фальшивых полушек, которые подтверждали бы чеканку монет на кусочках сплюсненной проволоки, подобно проволочным монетам. При использовании ножниц лист разрезали на «четвероугольные жеребейки», т. е. на квадратные кусочки (Ф. 271. Кн. 122. Л. 59 об.). Не исключено, что квадратные заготовки выпиливали или вырубали: в одном документе в перечне денежных инструментов присутствуют железные пила и «розсечка» (Ф. 271. Кн. 167. Л. 19 об.). Углы «жеребейков» обрезали ножницами, полученные кружки зачеканивали. Обнаружение у подозреваемого медных квадратиков приводило к длительному разбирательству. Драгун Табольского полка Алексей Шулгин был задержан с «четвероугольными медными кружками», ножницами и молотом, которые он якобы купил для перепродажи. Следствие посчитало, что этим объяснением Шулгин «поличное не очистил», и было приказано «чинить ему указные розыски», т. е. пытаться положить число раз (Ф. 271. Кн. 170. Л. 77, 78).

Простые расчеты показывают, что при вырезании кружков ножницами из квадратных пластинок отходы будут составлять не менее 21,5% металла. Использование специального приспособления – «розбивного обреза» – ускоряло изготовление кружков и значительно сокращало количество обрезков (до 9,3%). В документах не приводится подробного описания этого инструмента, о нем лишь говорится, как о «железной трубке», иногда упоминается и деревянное крепление. Петр Аверкиев обвинялся в передаче «денежным вора» Кузме Друганину и Аксины Дмитриевой «деревянной колодки к полушечному обреза да ломаного железного полушечного обреза» (Ф. 271. Кн. 171. Л. 28в–29). Тяглец Казенной слободы Дмитрий Федоров с Иваном Ушаковым вырубали кружки

с помощью «железного полушечного обреза, которой утвержден был на ушате» (Там же. Л. 78–81). Вероятно, «обрез» представлял собой железную трубу с заточенным торцом. Диаметр острого края должен был соответствовать диаметру полушечного кружка – около 14 мм. Ударом молотка по другому, незаточенному краю из листа меди вырубали кружки. При использовании цилиндрической трубки кружки могли застревать в ней, и тогда их пришлось бы выбивать. Целесообразнее было делать «обрез» конической формы, сужающийся к заточенному краю. Деревянная колодка могла служить оправкой, обеспечивающей перемещение «обреза» строго в вертикальном направлении и ограничивающей это перемещение.

«Обрез», в отличие от ножниц или молота, представлял собой специфический инструмент, и его было непросто приобрести. Покупали его у продавцов, торгующих, кроме прочего, «денежными» инструментами, или у знакомых фальшивомонетчиков. Посадский человек пос. Козелец Федор Тарасов купил «обрез» «заведомо, что он годен к полушечному делу», в железном ряду у ветошника Петра Авдеева (Ф. 271. Кн. 164. Л. 99 об.–100 об.). Крестьянин с. Дунилова Семен Дорогов винился в «покупке у драгуна, по своду денежного дела вора, полушечного обреза» (Ф. 271. Кн. 172. Л. 33 об.–34). Обычно «обрез» делали кузнецы на заказ, безусловно, зная его предназначение. Артиллерийский кузнец Матвей Яковлев сделал «железный обрезной на воровское полушечное дело заведомо станок» (Ф. 271. Кн. 134. Л. 41–41 об.); артиллерийский же кузнец Федор Харитонов изготовил к полушечному «обрезу» железную скобу (Там же. Л. 41–41 об.); «обрез» на дело «воровских» полушек сделал и драгун Иван Кривой (Ф. 271. Кн. 165. Л. 14 об.).

Стоимость «обреза» была в несколько раз выше стоимости штемпеля или заготовки для штемпеля. Крестьянин Костромского уезда Карп Иванов, задумав чеканить фальшивые полушки, купил у оловянного мастера Семена Дмитриева две пары полушечных штемпелей за 2 руб. (по своду серебряника Василия Семенова), а у кузнеца драгуна Ивана Петрова – «обрез» за 3 руб. (по своду серебряника Василия Семенова). Сделав, по его словам, проб-

ные оттиски полушек на свинце, он «усмотрел, что они не годились». Чеканить полушки он не стал, штемпеля отдал Федору Степанову, а «обрез» вернул кузнецу (Ф. 271. Кн. 178. Л. 98). Петр Коверев продал Антониде Дворянчихе «обрез» за 10 руб. фальшивыми проволоочными монетами, что по тогдашнему «курсу» составляло около 3 руб. настоящими деньгами (Ф. 271. Кн. 164. Л. 102–103 об.).

Высокая цена «обреза» неудивительна, так его гораздо сложнее изготовить, чем, например, заготовку для штемпеля (гладкий или многогранный железный стержень). Технология производства цилиндрического «обреза», видимо, была такой же, как при изготовлении ствола огнестрельного оружия. Из куска металла расковывают пластину нужной толщины. На круглом железном стержне раскаленную пластину сворачивают по длине в трубку. Продольный шов трубки сваривают в горне внакладку и, надев на тот же стержень, проковывают. Работа могла быть выполнена в любой кузнице, но не всякий кузнец был способен грамотно заварить трубку (на заводах такую работу выполняли специальные мастера-заварщики). Небольшой, длиной 3–5 см, «обрез» конической формы можно сделать без заварки шва. Для этого железное кольцо разгоняют (удлиняют с уменьшением толщины) на заостренной части наковальни (роге). В любом случае окончательной операцией была заточка рабочего края (предварительно край заострялся при ковке) и закаливание рабочей части или всего «обреза».

Из 1 фунта листовой меди должно было выходить полушек на 1 руб. (при занижении веса – больше), но часть меди всегда уходила в обрезки. Еким Михайлов и Ефим Семенов купили 30 фунтов меди по 27 коп. за фунт, «обрезом и чеканами» сделали полушек на 20 руб. Крестьянин с. Павлова Иван Серебряков приобрел в колокольном ряду 5-фунтовую медную трубу, заплатив за нее 1 руб. 50 коп., вырезал «истой меди трубкою» и зачеканил полушек на 4 руб. (Ф. 271. Кн. 162. Л. 75–75 об.). Обрезки можно было продать и вернуть часть затраченных денег. Солдат Иван Румянцов, он же Лабуга, продал 3 фунта обрезков от «воровских» полушек по 20 коп. за фунт (Ф. 271. Кн. 173. Л. 89–89 об.). Не всякий торговец решался купить обрезки,

так как их покупка рассматривалась как преступление. Василий Артемьев сын Меленков, торговавший на Неглинной ветошным железом, был обвинен в том, что он покупал у «денежных воров» «от воровских полушек мелкие обрезки заведомо» (Ф. 271. Кн. 146. Л. 40–41 об.). Избежать доноса от покупателя обрезков можно было, продав их знакомому фальшивомонетчику. Крестьянин с. Павлова Василий Цыба купил у денежного вора Степана Терентьева «медных крох заведомо» и перепродал их крестьянину дер. Меленок Гавриле Наумову на дело «воровских» полушек (Ф. 271. Кн. 162. Л. 77 об.).

Отходы «воровского» производства, найденные при обыске, рассматривались как «поличное» и служили серьезными уликами. Записной в цех медного дела мастер Иван Уздеников был приведен в Преображенский приказ с 5 фунтами «обресков, ис чего делаютца воровские полушки». На следствии, «с трех пыток и с огня», он признался в покупке обрезков у незнакомого ветошника по цене 20 коп. за фунт. Обрезки он собирался использовать в своей работе – шорном мастерстве и литье башмачных пряжек. По словам мастера, при покупке обрезков он был в пьяном состоянии и поэтому не разглядел их «воровское» происхождение. Пьянство послужило смягчающим обстоятельством, и Ивана отпустили «на добрые поруки» (Ф. 271. Кн. 158. Л. 149–149 об.). Обрезки иногда позволяли следствию оценить истинные масштабы деятельности «денежных воров». У подвизчика Егора Ларионова изъяли «воровских» полушек на 1 руб. 5 коп., гладких кружков – на 2 руб. 81 коп. и медных обрезков весом 39 золотников. Ларионов не смог вспомнить общую сумму сделанных им фальшивых полушек, тем не менее следствие заключило, что «из сего можно видеть, что он зделал и в народ употребил и свыше вышеписанного взятого от него» (Ф. 271. Кн. 135. Л. 16 об.).

Изготовления кружков можно было избежать, используя в качестве заготовок монеты, близкие по параметрам к полушкам. Случаи таких незаконных перечеканок известны: некоторые фальшивые пятикопеечники образца 1723 г. сделаны перечеканкой без перегурчивания из денег образца 1730 г. (Khramenkov A. V., 2006.

Р. 16–20), более редки копейки образца 1757 г., также перечеканенные из денег образца 1730 г. Также пятикопеечники могли перечеканивать из персидских медных монет (фулусов), ввезенных в 1730-е годы в большом количестве в Россию. В 1731 г. на монетном дворе даже провели эксперимент: отчеканили пятикопеечник на фулусе, получив монету, практически неотличимую от подлинной. В настоящее время отчеканенные таким способом фальшивые пятаки, равно как и документы об их существовании, неизвестны (Храменков А.В., Евдокимов Г.С., 2000. С.109–117).

Что касается фальшивых полушек, то денежные воры могли перечеканивать их из шелягов – польских медных солидов Яна Казимира. Нормативная масса шелягов (1,34 г) сравнима с полущечной (1,02 г), что позволяло солидам участвовать в денежном обращении приграничных районов наравне с полущками. Несмотря на то что ныне ни на одной фальшивой полущке следов от солида не найдено, такие перечеканы в 1720-е годы практиковались. Из экстракта, представленного Монетной комиссией в Сенат (1730 г.): «из шелягов, которые в Польше ходят по 12 за копейку, токмо полущечным гербом перечеканят, которых никак познать нельзя, и временно между полущками оное являється, что еще на них шелягова знака печати видно» (Ф. 248. Кн. 1415. Л. 115–115 об.).

Следующей операцией после вырубki кружков должен быть их отжиг – нагрев до определенной температуры, выдержка и медленное охлаждение. При отжиге повышаются мягкость и пластичность металла; оттиск получается четким. Как видно из документов, не все фальшивомонетчики пренебрегали этой операцией. Посадский человек Яков Селезнев признался, что помогал своему брату в изготовлении фальшивых полушек и учился «резному делу для дела воровских денежных инструментов». В частности, он стоял на карауле и «дул при обжиганье тех полушек мехами», за что получил 2 руб. 50 коп. только что отчеканенными полущками (затем он украл у брата и продал пару полущечных штемпелей) (Ф. 271. Кн. 172. Л. 27–27 об.).

Полущечные кружки, отоженные или неотоженные, зачеканивали. При

ручной чеканке применяли два штемполя: закрепленный нижний и подвижный верхний. Монетный кружок помещали между штемпелями и наносили удар молотом по верхнему штемпелю. Такая технология характерна для чеканки проволочных монет, с которой фальшивомонетчики традиционно были хорошо знакомы. В связи с малыми размерами полущек использования станочного оборудования для их чеканки не требовалось. Уникальный случай изготовления печатного стана для полущечного дела встречается среди материалов тульского розыскного дела. Тульский кузнец Епифан Рогов показал на следствии, что отдал тульскому же казенному кузнецу Анике Меховникову деревянный винт. Последний передал винт своему коллеге Дорофею Вязневу, который сделал по представленной деревянной модели «железной винт к полущечному делу» (Ф. 271. Кн. 150. Л. 60, 61). Был ли применен винт для «воровского денежного дела», неизвестно.

Документы не балуют подробностями чеканки фальшивых полушек. Как правило, список инструментов, конфискованных у «денежных воров», однообразен: штемпели, «обрез» или ножницы, молот. У Ивана Русинова нашли «восемь пар полущечных чеканов, резец, молот железной» (Ф. 271. Кн. 164. Л. 88, 89); у посадского человека Федора Тарасова – «воровских полущечных кружков на рубль на восемьдесят на четыре копейки, да два полущечные чеканы, да полущечной обрез, да ножницы» (Там же. Л. 99 об.–100 об.). Более полный комплект «воровских» инструментов нашли у тяглеца Мещанской слободы Филиппа Скорнякова, которого привели в Московский Овер Берг-Амт с «приличными к денежному делу с тринадцатью полущечными чеканами, да с ним же принесено полущечной железной обрез, полущак медных на рубль на шездесят на семь копеек, да меди красной листовой в полосках и в обтирках двенатцать фунтов дватцать четыре золотника, полущечных кружков щетом против полушек на четырнадцатый рублев на семьдесят копеек, тиски ручные, куски железные малые, два молота ручных, боевых – один большой, другой малой, две пилы, ножницы малые, что режут медь» (Ф. 271. Кн. 165. Л. 37–37 об.).

Иногда встречаются интересные особенности: например, описание способа крепления нижнего штемпеля. Михаил Артемьев с Иваном Башмашниковым чеканили в овраге, около Донского монастыря полушки. Производимый ими стук, «подобно, как в кузнице куют», привлёк внимание, и воры были задержаны с полничным: «воровскими полушечными двумя чеканами, да с медными чеканными полушками, которых счётом явилось против полушек на восемьдесят одну копейку, да гладких полушечных крушков против полушек на три рубли на пятьдесят девять копеек, да с молотом боевым, с колодкой деревянной, на которой вставляли исподней чекан» (Ф. 271. Кн. 146. Л. 40–41 об.). У Лукерьи, Федоровой дочери, изъяты «полушечных четыре крошки от воровских полушек и обрески, камень, на котором выбита яма, во что ставят чекан, да воровских полушек чеканных восемь, да глаткой кружек, да обломок железной небольшой от чекана» (Ф. 271. Кн. 171. Л. 92–93 об.). Крепления штемпеля в деревянной колоде или в камне можно было избежать, сделав штемпель массивным. В доме воротника Федора Фонарщикова искали «наковальню круглую, на которой вырезан орёл двоголовой, да взято ж два молота однорушных большие, два молота малые, двои ножницы, какими режут медь, пилу, трупку железные да воровских полушек на семь копеек с полушкою» (Ф. 271. Кн. 166. Л. 9, 10).

Как показывает анализ следственных дел, штемпеля для чеканки полушек, в отличие от штемпелей проволоочных монет, фальшивомонетчики резали вручную, без использования маточниковой технологии. Полушечный маточник – особый штемпель с выпуклым, как и на самой полушке, рельефом изображения – упоминается всего три раза. В первом случае купецкий человек Иван Алексеев был приговорен к смертной казни «за взятие воровского маточника, и за перевод пары чеканов, и за дело обрезного воровского полушечного станка да дву пар гладких чеканов» (Ф. 271. Кн. 135. Л. 73). Из контекста можно предположить, что речь идет о маточнике для перевода полушечных штемпелей. Во втором случае о полушечном маточнике говорится прямо. Дарья, Ульянова дочь, призналась, что у «де-

нежного вора» Лукьяна Иванова, с которым она жила блудно, был полушечный маточник, но Иванов выкинул этот маточник в реку Язу (Ф. 271. Кн. 164. Л. 66–68; Кн. 170. Л. 102–102 об.). И наконец, фальшивомонетчик Яков Семенов показал на следствии (затем от своих слов отказался), что взял у Ивана Пышки «воровского полушечного маточника и чеканов» (Ф. 271. Кн. 170. Л. 42, 43). Отказ от использования маточника для перевода штемпелей полушек можно попытаться объяснить более глубоким рельефом полушки по сравнению с проволоочной копеекой и, следовательно, частым выходом из строя полушечного маточника (вследствие разрушения элементов легенды).

Основой для изготовления штемпеля служила гладкая заготовка – «гладкий чекан», «пестик». Естественно, что ковку заготовок поручали кузнецам. Кузнец Иван Власов, сын Чихачев, сделал денежного дела вору Якову Иванову два полушечных гладких чекана (Ф. 271. Кн. 159. Л. 15–15 об.). Цену полушечных «пестиков» установить не удалось, но, видимо, она незначительно отличалась от известной цены штемпельных заготовок для дела других мелких «воровских» монет – обычно 20–25 коп.

Имея гладкий чекан, вырезали на нем заглубленное изображение будущей монеты. Благодаря несложному оформлению полушек, эту операцию можно было проделать самостоятельно. Крестьянин с Сидоровского Костромского уезда Данила Гурцов вырезал пару полушечных чеканов, купил еще несколько полушечных же штемпелей и отчеканил полушек на 2 руб. (Ф. 271. Кн. 138. Л. 51). Федор Иванов и Андрей Гнуса сделали «не по одно время» 7 руб. 20 коп. полушками, причем Гнуса вырезал две пары чеканов и, по мнению следствия, «стал быть ноявляющей вор и вымысленник к тому воровскому делу» (приговор: «казнить смертию – залить горло») (Ф. 271. Кн. 135. Л. 73). Крестьянин с Дунилова Суздальского уезда Семен Дорогов вырезал пару чеканов, купил обрез и начеканил свыше 13 руб. полушками. Кроме этого, он винился в резьбе четырех полушечных чеканов, которые продал «разных чинов людям» (Ф. 271. Кн. 172. Л. 33 об.–34).

Продажа, покупка и изготовление на заказ штемпелей были в то время обыч-

ными явлениями. Артиллерийский кузнец Ефим Алексеев продал артиллерийскому же кузнецу Алексею Баскакову и его сводному брату Степану Андрееву «своего дела по паре полушечных чеканов» (Ф. 271. Кн. 145. Л. 49, 50). Михаил Кудрявой не только вырезал и продал 10 «чеканов гербовых» и 6 «чеканов словесных» для дела полушек, но и 4 «чеканца гербовых» для клеймения серебряных цепочек (Ф. 271. Кн. 153. Л. 81–82 об.). Цена полушечных штемпелей была невысока – около 1 руб. за пару. Семен Дмитриев «с трех пыток и с огня» винился в резьбе пары полушечных штемпелей и деле полушек на несколько рублей (Ф. 271. Кн. 164. Л. 88, 89). При дальнейших розысках несколько «денежных воров» показали не только на изготовление им чеканов для собственных нужд, но и на продажу штемпелей всем желающим. Работник денежного двора Данила Селезнев купил у Семена Дмитриева пару полушечных чеканов за 1 руб. (Ф. 271. Кн. 165. Л. 45, 46), крестьянин Карп Иванов – две пары штемпелей за 2 руб. (Ф. 271. Кн. 178. Л. 98). Крестьянин с. Ставрова Владимирского уезда Андрей Крапивкин, взяв у Дмитриева пару чеканов, продал их железнику Василию Петрову за 80 коп. (Ф. 271. Кн. 164. Л. 106, 107; Кн. 173. Л. 74, 75 об.)

Существовал еще один способ получить чеканы, позволяющие чеканить не отличимые от подлинных полушки, – кража штемпелей с монетного двора. Известен один случай кражи – тулянин посадский человек Леонтий Гребенщиков украл с Кадашевского монетного двора пару полушечных чеканов и сделал с товарищами «теми чеканы воровских полушек не по одно время, а колкого числа не упомнит» (Ф. 271. Кн. 159. Л. 15 об.–16). Штемпеля могли выносить со двора как в период чеканки полушек (1718–1722 гг.), так и после ее окончания. Тем более что некоторые фальшивомонетчики работали на монетных дворах: «воровские» полушки делали монетного двора плавильщик Иван Гарусов, волочильщик Мартын Иванов, работники Данила Селезнева, Павел Петров, Петр Шевалдин (Ф. 271. Кн. 181. Л. 13, 14; Кн. 165. Л. 30–30 об., 45, 46; Кн. 170. Л. 86; Кн. 164. Л. 99 об.–101).

Доля денежных мастеров среди фальшивомонетчиков невысока. Это связано с жестоким наказанием, предусмотренным для таких воров (смертная казнь независимо от числа сделанных фальшивок) и строгим отбором работников для монетных дворов. Также сыграла роль простая техника изготовления фальшивых полушек, освоить которую мог практически любой крестьянин, не говоря уже о многочисленных фальшивомонетчиках – серебряных и медных дел мастерах.

Отметим эпизод, связанный с использованием «воровских» чеканов. Штемпеля, как и любые инструменты, при интенсивной работе изнашивались, ломались и требовали починки. «Денежное воровство» было настолько распространенным явлением, что просьба исправить штемпель не вызывала у кузнеца удивление. Крестьянин с. Павлова Карп Давыдов переправил «края» у пары полушечных чеканов («герба да решетки»), принесенных крестьянином того же села Егором Плешковым, и взял за работу 20 коп. Их земляку, крестьянину Ивану Серебрякову, починка пары полушечных штемпелей обошлась всего в 3 коп. – такую сумму запросил Карп Давыдов «за положение их в горн и за выправку» (Ф. 271. Кн. 162. Л. 74).

Перед выпуском полушек в оборот самые хитроумные фальшивомонетчики искусственно старили свою продукцию. Через несколько лет после окончания государственной чеканки полушек новенькие монеты должны были вызвать подозрение и, кроме того, обнаружение у подозреваемого не бывших в обращении фальшивых монет служило началом для тщательного расследования. Денежный вор Федор Столарев так описывает процесс чеканки полушек и нанесения на них искусственной патины: «по зову того мельника ходил с ним помянутого Андроньева монастыря в овин для дела воровских полушек, а с собою де он, мельник, в тот овин принес два чекана да полушечных крушков рубли на два, и те крушки перечеканил де он, мельник, в полушки; а на чекан де те крушки подкладывал сын ево, мельников, малолетной, а как де ево зовут, не знает; и перечеканя де оные крушки, пришли они все трое в вышеписанную клеть, в которой обедали, и оные де полушки тот мельник, положа в трепицу, лил в них конопляное масло и сыпал

толченную серу и перетирал, чтоб были черны» (Ф. 271. Кн. 178. Л. 104 об.–105). Действительно, на поверхности медной монеты при обработке ее серой образуется слой сульфида меди черного цвета (в частности, один из способов получения прочной патины черного или серого цвета на медной монете – обработка монеты в водном растворе серной печени, которую получают сплавлением одной весовой части серы и двух весовых частей поташа).

Как правило, фальшивомонетчики признавались в деле полушек на сумму в несколько рублей. Но после указа 1723 г., ограничившего хождение полушек, потратить даже рубль полушками было затруднительно. Конечно, можно было, не долго думая, пропить полушки – так поступил Семен Дорогов с полушками на 2 руб. 40 коп. (Ф. 271. Кн. 172. Л. 33 об.–34). Но не всякий был способен выпить столько в одиночку. Алексей Черноголовов и Лаврентий Федоров угощали Петра Коверева пивом «в Таганке на кабаке» и, расплачиваясь за пиво полушками, «сказывали они ему Ковереву, что те полушки делают они, Черноголовов и Федоров, сами» (Ф. 271. Кн. 145. Л. 64–66 об.). Количество выпитого вина возрастало из-за необходимости маскировать фальшивые полушки подлинными. Серебряники Андрей Артамонов и Петр Мартынов, начеканя фальшивки и «смешав их с указными полушками, пропили на кабаке незаведомо» (Ф. 271. Кн. 173. Л. 53, 54). Использование смеси настоящих и фальшивых полушек не всегда препятствовало разоблачению. Ямщик Переславской Ямской слободы Козма Кошелев, получив 2 руб. фальшивыми полушками, «ходил в разные деревни для продажи щепетилного товару и те воровские полушки, смешав с указными, тратил на всякой харч незаведомо что воровские». В с. Пушкино крестьяне «было поймали» Кошелева, и он, решив больше не рисковать, бросил оставшиеся фальшивки в воду (Ф. 271. Кн. 174. Л. 79, 80).

Большое количество полушек – на десятки рублей – потратить было еще сложнее. Конечно, вопреки запретительным указам полушки принимали не только в оплату «съестных припасов». Данила Селезнев смог издержать «на покупку холстов» 20 руб. фальшивыми полушками (Ф. 271. Кн. 165. Л. 45, 46). Но самым

распространенным способом быстро и выгодно сбыть фальшивки была их продажа. Одним из крупных распространителей фальшивых полушек была Татьяна Елисеева, жена упомянутого ранее денежного вора Семена Дмитриева. Доказана продажа ею взятых у разных фальшивомонетчиков как фальшивых проволочных монет, так и полушек на общую сумму свыше 100 руб. В частности, она продала 36 руб. фальшивыми полушками за 30 руб. подлинными монетами, 3 руб. 75 коп. – за 3 руб.; 3 руб. 60 коп. – за 2 руб. 88 коп.; 13 коп. – за 10 коп. (Ф. 271. Кн. 178. Л. 50–51 об.). В среднем она брала 80 коп. за 1 руб. «воровскими» полушками. Примерно такое же соотношение выдерживали и другие продавцы (Ф. 271. Кн. 165. Л. 4, 5; Кн. 167. Л. 31–33). Наиболее высокий курс зафиксирован у ямщика Коломенской Ямской слободы Василия Стрыкова, который взял у «денежного вора» Якова Широкова фальшивых полушек на 1 руб. 50 коп. и продал их Никифору Духанину за 1 руб. 30 коп. «ходячих денег» (Ф. 271. Кн. 170. Л. 105, 106). И, наконец, можно было попытаться обменять фальшивые полушки на крупные монеты (естественно, с уступкой). Так, солдат Иван Румянцов (Лабута) поменял у лавочника Овощного ряда 7 руб. «воровскими» полушками «на указные рублевые манеты зачисто, уступя у рубля по две копейки» (Ф. 271. Кн. 171. Л. 63–65).

Фальшивые проволочные монеты в 1720-е годы продавали из расчета от 10 до 50 подлинных копеек за 100 поддельных; в большинстве случаев за 100 фальшивых давали 30 настоящих. Фальшивые полушки ценились более высоко: 100 фальшивых – 80 настоящих. «Воровские» полушки покупали дорого потому, что подлинные монеты были невысокого качества и сбыть кустарные фальшивки, смешав их с «указными», для торговцев не составляло труда (в обращении наравне с полушками были польские шелеги и даже гладкие кружки). Именно торговые и купецкие люди были основными покупателями «воровских» полушек. Среди клиентов Татьяны Елисеевой находим мясного ряда торговца Филиппа Иванова, тамбовца купецкого человека Данилу Иванова, торговку Марью Полушак. Самим денежным ворами, если они не занимались торговлей, быстро потратить

большое количество фальшивок было затруднительно. Для того чтобы при поимке избежать расследования, расплачиваться надлежало, выдерживая соотношение – 10 коп. фальшивыми полушками одного чекана на 1 руб. общей суммы.

В заключение краткого обзора рассмотрим одну типичную историю «воровского денежного дела» (Ф. 271. Кн. 135. Л. 72; Кн. 138. Л. 51–51 об.; Кн. 165. Л. 37 об.–38 об.). Житель Казенной слободы Алексей Худяченко задумал делать фальшивые полушки. Необходимый для денежного дела инструмент он заказал у специалистов – кузнецы Иван Алексеев и Гаврила Иванов выковали ему на Кулишках железный обреза и два «пестика». Вырезать на «пестиках» рисунки лицевой и оборотной сторон полушки Худяченко попросил крестьянина Федора Федотова. Последний, по его словам, отдал заготовки «для резьбы» кузнецу Алексею; сам Федор якобы резать штемпеля не стал. Так или иначе, Худяченко получил от Федотова пару уже готовых чеканов, заплатив за них 1 руб. Купив медь, фальшивомонетчик привлек к «денежному воровству» двух человек. Сначала он чеканил полушки с крестьянином Аввакумом Михайловым в дер. Дубровка Вохонской волости, а именно – в овине указанного крестьянина, затем – с крестьянином Кузьмою Красным в дер. Старуской. Все полушки Худяченко брал себе и тратил на разные покупки, Кузьме он каждый раз платил по 15 коп. только что отчеканенными полушками.

Воровское денежное дело Худяченка было прервано доносом, поступившим на него от находящегося под следствием Федора Федотова. По оговору Федотова Худяченко был приведен в Обер Берг-Амт с изъятым у него поличным: «полушечных кружков щетом против полушек на одиннадцать копеек, да красной меди восемь лоскутков, обреза полушечной, ножницы, молот, пила переломленная». Под пытками он признался в деле полушек на 3 фунта, т. е. счетом примерно на 3 руб. Ранее денежный вор Никита Честнов обвинял Худяченка в покупке фальшивых полушек, но потом снял свои обвинения и «очистил» его. Тем не менее Худяченку посчитали «привод другой» и в 1727 г. вынесли суровый приговор: вырвав ноздри, сослать на катор-

гу вечно. После объявления приговора Худяченко содержался в Обер Берг-Амте до 1729 г., когда по амнистии в связи с коронацией Петра II, объявленной 24 февраля 1728 г., и в соответствии с сенатским указом от 4 июня 1729 г. вечную каторгу заменили наказанием кнутом и вечной же ссылкой в Сибирь.

Помимо изучения письменных источников, сведения о фальшивых полушках можно получить посредством анализа дошедших до нас фальшивок. Основой для выявления любых фальшивых монет является определение техники их изготовления. Именно несоблюдение фальшивомонетчиками принятой на монетном дворе технологии приводит к различным несоответствиям. Если отличия литых полушек от подлинных обусловлены особенностями литейного производства (плавный переход букв и цифр легенды в поверхность поля монеты, пористая, зернистая поверхность, с наплывами и неровностями, остатки литника, уступ на гуртовой поверхности от неточного совмещения литейных форм и т.п.), то с чеканными фальшивками дело обстоит гораздо сложнее. На первый взгляд, способы чеканки фальшивых полушек отличаются от принятых на монетных дворах: денежные воры вырезали или вырубали «обрезом» монетные кружки и «зачеканивали» их вручную, а монетчики получали кружки с использованием вырубного стана (который выдавливал кружки) и «тиснили» их на печатном стане. Но готовая продукция в обоих случаях по качеству была сходной. Об этом же свидетельствует эксперимент, проведенный в 1730 г. служащими Монетной конторы. Вспомним, что монетные мастера, наверняка участвовавшие в чеканке подлинных монет, затруднялись отличить «воровские» монеты от казенных.

Итак, с большой степенью достоверности можно выделить только те фальшивые полушки, которые имеют грубые несоответствия с подлинными. В первую очередь, это монеты, дата на которых не соответствует годам чеканки полушек, имеет пропущенные или переставленные цифры: 1727, 722, 172, 1710, 121 и т.п. (табл. 1, 1–17; табл. 2, 31; табл. 3, 41 и др.). Безусловно, фальшивые монеты имеют легенду (или ее часть), составленную из

Таблица 1

Таблица 2

Таблица 3

Таблица 4

Таблица 5

Литература

- Удеников В.В., 1992. Монеты России. 1700–1917. М.
- Храменков А.В., 2006. Проект 1732 г. по ввозу в Речь Посполитую российских полушек // Междунар. нумизматическая конференция, посвященная 150-летию Национального музея Литвы. Вильнюс, 26–28 апреля 2006 г.: Тез. докл. Вильнюс.
- Храменков А.В., Евдокимов Г.С., 2000. Фальшивые пятаки 1723–1730 гг. кустарной чеканки // Нумизматический альманах «Монета». Вып. 7. Вологда.
- Юхт А.И., 1985. Государственная деятельность В.Н.Татищева в 20-х–начале 30-х годов XVIII в. М.
- Khramenkov A., 2006. False piataks of 1723–1730 // JRNS. N 81 (Winter 2005–2006).